УДК 008

Б.Ф.ШИФРИН, *канд. физ.-мат. наук, доцент, bshifrn1@yandex. ru*
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

B.F.SHIFRIN, *PhD in phys.-math., associate professor, bshifrn1@yandex. ru*
Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

МАСШТАБ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН (ПРАГМАСЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ)

Масштаб есть инструмент постижения ландшафтов культуры. Позиция читателя (воспринимающего) играет особую роль в подобной метафорической актуализации масштаба.
Ключевые слова: масштаб, метафора, ландшафт культуры.

SCOPE/SCALE AS A CULTURAL PHENOMENON (A PRAGMATIC ASPECT OF SEMANTICS)

Russian word *масштаб* combines two meanings: *scale* and *scope*. The scope may be viewed as an instrument of metaphoric comprehension, related to the notion of *cultural landscape*. The reader's/spectator's position plays a key role in the metaphoric way of understanding.
Key words: metaphor, scale /scope, cultural landscape.

1. **Концепт масштаба**. Масштаб – понятие, востребованное в специальных дисциплинах и профессиональных практиках, но не удерживающееся в жестко-терминологических рамках. Условность конкретного масштаба замечается только при осмыслении его как одного из возможных в ряду иных масштабов. Тут происходит не столько сравнение карты с оригиналом, сколько сравнение одной карты с другой. С «картинами мира» нередко происходит нечто аналогичное: они могут не столько сверяться с некоторыми референтными мирами, сколько дискутировать друг с другом.

Инструментальное распоряжение масштабом демонстрации может следовать некоторому риторическому замыслу, решать определенные стилистические задачи. Девиацию масштаба актуализируют такие фигуры речи, как гипербола, литота, ирония. Достаточно упомянуть Салтыкова-Щедрина, Рабле, Свифта. При этом обнаруживается, что трансформация масштаба есть трансформация жизненного мира. Можно сказать, что происходит открытие *иного* как иной масштабности, открытие соприсутствия масштабов, наконец, само переживание неопределенности или вибрации масштаба.

Масштаб привлекается как инструмент лабораторных практик и, прежде всего, мысленного эксперимента. Методологическая рефлексия масштаба включается в саму работу с масштабом. Инструментальная доминанта этого концепта означает, что, делая масштаб предметом рассмотрения, мы тематизируем не вещь и не слово, но *действие* – «масштабное трансформирование». Можно играть масштабом, испытывать укрупнением плана, «фотоувеличением» (подобное испытание стало ключевым мотивом фильма М.Антониони «Блоу-ап»).

То целое, которое презентируется путём установки масштаба, можно назвать «миром», ландшафтом, картой, моделью. Условность плана данной экспозиции не ощущается тем сознанием, которое отождествило этот план с жизненным миром. Таким образом, вне исследовательской дистанции масштаб не эксплицируется. Имплицитно масштабная адекватность достигается

«охватом». Это особый тип восприятия, отчасти означающий видение всем телом, – то, что Михаил Матюшин обозначал как «расширенное смотрение» [4]. Картирование мира, ориентация его осей отправляется в этом случае от карты нашего собственного тела, опыта центрации и координации мира с телесным микрокосмом. Но в той мере, в какой распоряжение масштабом становится осознанно инструментальным, превращаясь в способ мыследеятельности, в свободное творчество, в игру, – оно востребует силы воображения. Масштабные трансформации являются испытанием особой ментальной пластичности. В то же время успешному освоению чужого ландшафта должна сопутствовать особая подвижность, легкость путешественника – полет мысли, естественность переноса в иные семантические локусы. Речь, следовательно, идет о метафоре: метафора масштаба проверяет нашу способность существовать в атмосфере иносказания, в измерении притчи. Именно такое звучание получает «одновременное» присутствие нескольких масштабных уровней в «Падении Икара» П.Брейгеля.

Есть ощущение, что слову «масштаб» приходится расплачиваться за недостаточную артикулированность некоторого смыслового поля. Указание на условно выделяемую «здешность» как временную площадку жизни сознания, указание на некий локус в качестве методически выделенного острова – для всего этого в языке явно не хватает терминов. В итоге этой языковой нехватки, указание на масштаб нередко делается в смысле указания на некий выделенный «контекст» и т.п.

Современные исследования концептосферы пространства, уделяя внимание анализу таких параметров, как размер и дистанция, как правило, не затрагивают при этом концепт масштаба [3]. Между тем описания размеров и дистанций немыслимы вне предпосылаемого им масштаба. Можно жить в двух шагах от метро, а что значит жить в двух шагах от Океана? Метафора есть симптом методологически акцентированного фактора масштаба. Эпистемически это очень древняя ситуация. *Временные масштабы* естественно высвечиваются иносказанием. Вспомним разгаданную Эдипом загадку, сейчас обнаруживающуюся как ряд привычных аллегорий: утро жизни, полдень, вечер жизни.

2. **Вехи истории масштаба**. Начиная с европейского Средневековья, можно выделить ряд вех и линий *актуализации* масштаба как инструмента сознания. В числе вех хотелось бы упомянуть христианские странствия и паломничества. В этих странствиях зарождается новое представление о мирах, «пространствах», сроках. Все эти странствия-хождения фундированы углублением в смысл библейских притч, – иносказания предстают как методологически осмысляемый инструментарий, по-своему не менее изощренный, нежели технические способы установки масштабной динамики (аналогия между притчей и мысленным экспериментом отмечена в работе [6]). С другой стороны, мысленные эксперименты Галилея и Ньютона дополнялись уже не ментальными, а вполне осязаемыми орудиями (телескоп). Микроскопия возбудила не только ужас Паскаля перед бесконечной регрессией миров, но и модельно-алгоритмический интерес Лейбница к возможным мирам, в том числе и к «инфинитеземальному» дроблению живых организмов. Свифт, разумеется, играет не одной лишь семантикой размера, но именно трансформациями целостных контекстов существования (в этом случае концепт масштаба актуализируется уже не в его топографическом смысле, но в его отнесённости к категориальному полю «ландшафта культуры» [2]). За эпохой великих географических открытий последовал не только расцвет навигации: не будем забывать, что XVII-XVIII вв. это еще и время собирания личных кабинетов редкостей (то есть переноса Универсума в пределы кабинета, в микрокосм кунсткамеры), а также еще и эпоха, положившая начало европейскому жанру образовательных путешествий. Что касается XIX в., то он явил новые технические способы передвижения и связи. Невиданные ранее скорости стали фактором, преобразующим не только размеры обитаемого мира, но и всю перспективу ми-

ра как целого. Уже в XIX в. обнаружились зачатки того явления, которое впоследствии предстало как феномен глобализации. В частности, наметился вопрос об онтическом статусе туриста, путешественника, мигранта; в наше время эта проблема трансформировалась в вопрос о совмещении этих статусов в одном лице, вынужденном «существовать в полионтиках» [5].

3. **Субъект масштабной трансформации**. Речь идет о том, что в культурной рефлексии Нового времени очень долго инструмент масштаба мыслился как находящийся в руках автора описаний: писателя, исследователя, ученого. Превращение чтения в некую агентивную доминанту (в поступок!), расширение амплуа читателя до роли того, кто ответствен за осмысление текста, – сравнительно поздний феномен. Теперь решение о выборе масштаба принимает не некий «автор», но всякий человек, отвечающий за формирование персонального пространства привязанностей, например, при посредстве Интернета. Здесь мы говорим не о размере этой сети: речь идет о субъекте, выступающем в качестве режиссера-постановщика (как при замысле музыкальной пьесы дело не в одном лишь количестве инструментальных партий, но в самой архитектонике, полифонии этого «ландшафта»). Тему формирующей роли читателя с большой энергией выдвигает У.Эко, уподобляя чтение *путешествию*. Но мне кажется, что речь сегодня должна идти не о «читателе», а о человеке, отвечающем за то, чтобы не оставить *десять* толкований происходящего (и эксплицирующих его текстов, ибо события сейчас манифестируют себя текстуально) – не оставить возможные толкования подвешенными в воздухе, но принять решение о смысле.

Что касается соприсутствия множества масштабов, то в такой ситуации вряд ли был бы уместным образ единой площадки, на которой происходит встреча сознаний лиц, причастных к событию. Описание области «между» в моделях коммуникации не справляется со своей задачей даже при учете того, что моя сфера «между-среди» не совпадает с аналогичной сферой моего визави («Чужого»), на что указывает Б.Вальденфельс [1]. По-видимому, пространство «между-среди» вообще не конституировано как данность уже потому, что оно обретается как некая открытая полимасштабность.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вальденфельс Б.* Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о «Чужом» // Логос. 1994. № 6.
2. *Каганский В.Л.* Ландшафт как земное тело человека и его герменирование // Логос живого и герменевтика телесности. М., 2005.
3. Логический анализ языка. Языки пространств / Под. ред. Н.Д.Арутюновой, И.Б.Левонтиной. М., 2000.
4. *Матюшин М.* Опыт художника новой меры // Семиотика и Авангард: Антология. М., 2006.
5. *Чебанов С.В.* Отличительная черта интеллигенции – знание алфавита // С.В.Чебанов. Петербург. Россия. Социум. Вильнюс, 2004.
6. *Шифрин Б.Ф.* Физический эксперимент и проблема визуальности (микроскопия авангарда) // Международные чтения по теории, истории и философии культуры. СПб., 2000. Вып.9.

REFERENCES

1. *Waldenfels B.* One's own culture and alien culture. Paradox of the study of «Alien» // Logos. 1994. № 6.
2. *Kagansky V.L* Landscape as terrestrial human body and hermeneutic interpretation of it // Logos of the living and hermeneutics of the corporeal. Moscow, 2005.
3. Logical analysis of language. Languages of spaces / Ed. N.D.Arutyunova, I.B.Levontina. Moscow, 2000.
4. *Matjuschin M.* Experience of the artist of new measure // Semiotics and Avant-garde: Anthology. Moscow, 2006.
5. *Chebanov S.V.* The distinctive feature of intellectuals is the knowledge of alphabet // S.V.Chebanov. Saint Petersburg. Russia. Society. Vilnus, 2004.
6. *Shifrin B.F.* Experiment in physics and the point of visuality (micriscopy of avant-garde) // International conference on the theory, history and philosophy of culture. Saint Petersburg, 2000. № 9.